

Не собака

1

Не могу смотреть, как машина глотает разделительную полосу: мутит. С радостью бы села назад, но там ещё страшнее. Никита вечно гоняет по трассе, как полоумный. За границей светового пятна от фар густая темнота. По обеим сторонам тянется лес, где-то за ним прячется болото. Весной, когда мы только переехали в посёлок, то часто гуляли вокруг него по тропе. Там вообще туристов много бродит. Место такое – от города недалеко и довольно живописно. Даже «графские развалины» есть. Ничего особенного: замшелые остатки фундамента, груды кирпичей, поросших мхом и осокой. Всё более менее ценное давно уже растащили, ещё, наверное, до моего появления на свет.

Лето прошло быстро, в ремонте и хлопотах. Сейчас конец сентября и мне страшно. Не помню, в какой момент появился этот даже не страх — некое предчувствие. Может потому, что дома вокруг постепенно пустеют? Не все хотят оставаться на зиму. Боятся, что занесёт дороги. Коттеджный посёлок, где нам повезло недорого купить жилье, совсем новый. Многие дома всё ещё смотрят на мир пустыми глазницами окон, что лично мне оптимизма не добавляет. Нас уверяли, что почти все дома проданы, что это будет такой уютный кондоминимум с магазинами, спортцентром и прочими благами. Из всех благ на сегодняшний день только шлагбаум на въезде. Никите на всё это наплевать. Ему даже хорошо: тихо, спокойно. Сидит, пишет свои проги и скрипты и горя не знает.

— Не так быстро, Кит, — прошу.

— Брось, — улыбается он. — Пустая дорога.

— Лося забыл?

Никита дёргает щекой. Согласна, воспоминание не из приятных. В прошлом году по дороге в Карелию выскочило на нас рогатое чудище.

— Откуда здесь лоси? — В голосе легкое раздражение.

— Ну, собака выбежит или кошка. Тоже приятного мало.

— Да и фиг с ними, — ворчит муж, но скорость снижает.

Глажу его по плечу. Любуюсь профилем на фоне тёмного стекла. Не профиль, а мечта эллинофила. Мы, что называется, молодожены. Молодая семья. Фыркаю. Смешно. Вообще-то, да. Год назад мы знать друг друга не знали.

— Смешно тебе? — Никита притягивает меня правой рукой к себе. — Вот задам тебе трепку.

Испуганно верещу, щекочу его под мышкой. Машина виляет, выезжает на встречку, резко выравнивается. Меня откидывает к окну.

— Кит!

Вижу тень, что-то большое чёрное плюхается на капот, бьётся в лобовое стекло, скатывается под колёса, машина подсакивает. Визг тормозов перекрывает истошный крик. Мой.

— Ань, Аня! — Никита тормозит меня. Отнимаю ладони от лица, сморю на него. Живой. Я тоже. Верчу головой. Машина стоит на самом краю обочины.

— Мы кого-то сбили? — Кажется, я сорвала голос. Воздух еле проталкивается в опухшее горло.

— Собаку. Вроде. Пойду посмотрю.

Никита выходит, я лезу за ним. Что бы ни бросилось под колеса нашей машины, это точно не собака. Слишком большое оно для собаки. «Только не человека, только не человека, — бьется мысль в голове. — Пусть, правда, собака. Заберем, вылечим...»

Никита уже почти дошел до того места, где бесформенной массой лежит что-то странное, будто кто-то выбросил недоеденную молью шубу. Хватаю Никиту за руку, дергаю.

— Не подходи.

Никита останавливается. Топчется на месте. Но мне тоже хочется знать, что это. Как ни силюсь, не могу понять. Никита включает фонарик на телефоне. Догадался, молодец. Шуба внезапно шевелится, поднимается с одного конца. Нет, это точно не собака. Не бывает таких больших собак. Тяну Никиту назад.

— Идём, идём, идём...

Он ещё сомневается, хочет подойти. Глухое ворчание раздается откуда-то из глубины серого, в проплешинах, меха. Никита отшатывается, мы поворачиваемся, бежим к машине. Стартёр фыркает и глохнет, нас обоих охватывает паника. Я вижу, как белеет лицо Никиты. Оборачиваюсь. В заднее стекло вижу, что существо уже стоит. В странной позе. Его задние ноги гораздо длиннее, голова опущена. Меня пронзает мысль, что это всё-таки человек. Может быть какой-то бродяга? Бомж в старой шубе. И тут оно поднимает голову. Два красных глаза смотрят прямо на меня. В это время машина трогается с места. Существо переступает передними, более короткими лапами и делает огромный скачок. Потом ещё один и ещё.

— Никита! — визжу я. — Оно бежит за нами!

Никита на мгновение поднимает глаза к зеркалу заднего вида, его нога вжимает педаль газа в пол. Чувствуется сильный удар по багажнику. Никита выкручивает руль влево, потом резко вправо, пытаюсь сбросить тварь. Я поворачиваюсь, сзади пусто. Выдыхаю. И тут вижу тень слева от машины. Тварь скачет огромными прыжками почти вровень с нами. От ужаса хватаю Никиту за руку. Сколько раз он ругался, что я цепляюсь за него в минуты опасности, но мне так страшно, что я не отдаю себе отчета. Никита тоже видит тварь, пытается увеличить скорость. Но впереди крутой поворот. Выбор небольшой: или нас вынесет с дороги или это догонит нас. Что хуже я не знаю.

Если бы я могла соображать, я бы восхитилась, с каким хладнокровием Никита вошел в поворот на ужасной скорости. По глазам бьёт огнями. Свет заливает дорогу, со страшным рёвом на нас движется многоглазый монстр. Он сметает порождение ночи, слышится глухой удар. Слепленная, я на какой-то миг теряю зрение. Перед глазами плавают жёлтые червяки.

— Ань, — зовет Никита. — Похоже, грузовик сбил это... эту собаку. — Он смеется. — Я чуть в штаны не наложил. А ты? Сухая?

Мотаю головой. Тру глаза.

— Это не собака. Не собака.

Шлагбаум медленно поднимается, пропускает нас на территорию посёлка. В домике охранника горит свет. За шторками движется тень. Михаил, а сегодня, кажется, его смена, наверняка уже посмотрел на мониторе, что это приехали свои, но всё равно выходит на крыльцо, машет рукой, приветствуя. Нормальный дядечка. Лет ему ближе к шестидесяти. Всегда одет в камуфляж, чисто выбрит. Не пьёт. От второго охранника иногда попахивает, а от Михаила лишь дымком тянет, да псиной. Но это не раздражает. Я люблю собак. Тру лицо руками. Вспоминаю огромные прыжки твари. «Не собака, не собака», — шепчу я.

— Ань, ну что ты там застряла? Давай багажник разгрузим.

Вылезаю. Два раза в месяц мы ездим в супермаркет. Никита уже бодро таскает пакеты в дом. Беру упаковку с удобрением, набор кашпо, еще какую-то огородную полезность. От нечего делать я занимаюсь благоустройством участка: разбила цветник, выложила дорожки из камней между клумбами. Вообще-то работа у меня есть. Просто с переводами сейчас не густо. Зарплата Никиты позволяет мне не браться за подработку, а спокойно ждать приличного заказа.

Отношу покупки в сарай. Участок перед домом ярко освещён. Цветная плитка складывается в красивый рисунок. Фонари по бокам дорожки. Нет, я люблю наш дом. Рано или поздно поселок наполнится людьми, будут бегать дети, лаять собаки... Опускаюсь на какую-то кадушку. Меня трясёт. «Не собака, не собака», — скулю я, стуча зубами.

Такой меня и находит Никита. Обнимает, берёт на руки, несёт в дом, шепчет на ухо, успокаивает. Как же я люблю его эллинский профиль, руки, ноги, все части тела. Он прав. Мы сбили собаку. Одичавшую тварь, может, даже зараженную бешенством, а такие животные не чувствительны к боли и могут гнаться за кем угодно в приступе болезненной ярости.

2

Просыпаюсь поздно. За окном осеннее солнце прыгает по макушкам деревьев. Дождя нет. Отличный день, чтобы заняться чем-то полезным. Включаю кофеварку. Никита уже работает, и я не суюсь к нему в кабинет. Он злится потом. Я тоже не люблю, когда меня отвлекают от перевода.

Что-то мелькает за окном, вздрагиваю. Прижимаюсь к стене, выглядываю. Михаил. Стоит на краю участка. Как раз возле машины, смотрит на что-то. Лицо у него странное.

Беру чашку с кофе. Рука чуть дрожит. Выхожу на крыльцо. Михаил видит меня, улыбается:

— Доброе утро! — кричит он.

Ничего страшного, охранник просто выполняет свои обязанности, делает обход территории. Но что-то заставляет меня выйти, подойти. Я вижу, что так привлекло его внимание. Сзади на багажнике, от заднего стекла до замка тянутся три глубокие полосы. Содранная краска вьется вдоль борозд спиральками, в глубине сверкает металл. Как же мы вчера этого не заметили?

— Как это вы умудрились? — сочувственно качает головой Михаил. — Аж до самого корпуса? Вчера, что ли? Там авария была, вас тоже, получается, задело?

— Авария?

— Да, грузовик вылетел с трасы, перевернулся.

Глотаю кофе, обжигаюсь. Вспоминаю слепящий свет, глухой звук удара.

— Вы же верхней дорогой ехали? Неужели не видели?

Мотаю головой.

— Там грузовик был, да. Навстречу попался. Мчался, как угорелый.

— Вот и домчался, — Михаил вздыхает.

— А водитель что говорит?

— Ничего.

Молчу. Не хочу знать, что с водителем. Не хочу представлять изломанное тело.

— Парня так и не нашли.

— Как это не нашли? Он живой?

— Кто ж его знает. Может, пьяный был, понял, что натворил и сбежал. Кабина-то не сильно пострадала, а вот груз по всей дороге раскидало. Найдут, у нас всех находят. Вы-то как, обживаетесь?

— Потихоньку.

— На болото ходите?

Киваю. Болото — местная достопримечательность. Сюда по выходным приезжают велосипедисты, эзотерики, даже шаманы как-то в бубен полдня стучали. Это, конечно, не Гримпенская трясина, а весьма живописная, покрытая мхом мокрость.

— В усадьбу тоже, небось?

В усадьбу мы ходим более менее регулярно. Никита отчего-то в восторге от этих камней, поросших мхом, чего я просто не понимаю. Ладно, были бы стены, а то ведь остатки фундамента. К тому же он ещё и вычитал где-то в интернете, что жил тут раньше помещик, вроде офицер какой-то, который несметные сокровища с русско-турецкой войны привез. После чего загорелся идеей найти клад. Потом как-то остыл, но, как оказалось, ненадолго. Неделю назад притащил откуда-то металлоискатель, сказал, что верит в успех. Я, конечно, поняла, что это всё шутка — просто такой способ переключиться, разгрузить мозги.

Бродить с металлоискателем оказалось забавным. Прибор попискивал, то еле слышно, то громче. Уловом оказалась пара ржавых железяк: подкова и какие-то клещи. Всё было весело, пока Никита не провалился в какую-то яму, к счастью, не глубоко: по колено. Под слоем дёрна оказались доски. Никита сразу выдвинул теорию, что тут вход в подземелье. Он расширил лаз, залез туда с этой пищащей штукой, обрадовался, когда штука начала верещать, как полоумная. Потом мы долго ковырялись в этой яме. Ну как: ковырялся Никита, а я вроде как поддерживала морально. Мне быстро всё надоело, я ушла погулять. Не могу не признать, что это всё же атмосферное местечко. Судя по остаткам фундамента, жил помещик на широкую ногу. Интересно, что случилось с домом — неужели его владелец так насолил своим крестьянам, что они разнесли тут всё по кирпичикам? Или, может, его уничтожил пожар? В таких местах меня всегда начинают одолевать мысли о бренности жизни и бессмысленности всего сущего и прочее. Так я и набрела на плиту. Старая, с отбитыми краями и стёршимися буквами. Вроде гранитная. Какие-то знаки еле-еле видные проступали на сером камне. Как я ни старалась, так ничего

и не разобрала. Сделала несколько фото, просто так, вдруг захочется что-то запостить в интернете. Сетевая активность меня утомляет, я редко делюсь с миром личной жизнью. Но вот такие редкости, вроде затейливых архитектурных конструкций или забавных надписей, иногда выкладываю и сама с удовольствием читаю о всяких необычных вещах.

Никита что-то нашел и звал меня. Уловом оказалась ржавая цепь с широким кольцом на конце.

— Поздравляю, — поддразнила я, — ты нашел логово собаки Баскервилей.

Никита повертел цепь и хотел уже бросить её обратно в лаз, но потом передумал.

— Почистищу, может, клеймо какое-то найду. Будет о чем на форуме похвастать.

Ну да, Никита в своих кладоискательских порывах подписался на кучу пабликов и форумов, где такие же полоумные только и делали, что мечтали откопать что-то старинное и ценное.

Михаил все топчется возле машины, кажется, его притягивают эти царапины. Меня, если честно, тоже. Потом вспоминаю, Михаил ведь часто напрашивается что-нибудь сделать и за работу просит недорого. Нам не жалко — ему заработок. Мужчина он крепкий, сноровистый. Тут же придумываю задание: давно хотела очистить от досок угол позади дома. Называю сроки и цену, и доски можно забрать себе. По лицу Михаила вижу, он доволен: получил, зачем пришел. Пусть работает. Я хожу по участку с недопитым кофе в руках. Прикидываю, чтобы ещё сделать, пока не настали холода.

— Анют, — окликает Михаил. Мне нравится, как он произносит мое имя. — А это что, собаку решили завести?

Подхожу ближе. В пластиковом бачке лежит цепь, рядом стоит аккумулятор, болтаются провода с клеммами.

— Да нет, это Кит в лесу нашел, вот пытается очистить, — машу рукой, показывая свое недоверие к этой затее.

— Электролиз, — уважительно кивает Михаил. — Умно.

Всматриваюсь. Действительно цепь больше не ржавая железяка. Тусклый металл кольцом свернулся на дне канистры. Ржа и время не пощадили: коррозия изъела поверхность, несколько звеньев истончились.

Михаил отсоединяет клеммы, сливает воду, поднимает с земли палку и ею вытаскивает цепь на свет. Не такая уж она и длинная — метр с небольшим. Кольцо на конце блестит на солнце серебром. Михаил хмыкает.

— Разные, — говорит он.

Понимаю о чём он. Цепь тёмная, может чугун, может, еще какой сплав. Ошейник же похож на алюминий, но не он, конечно. Возможно, даже нержавейка. Интересно, была ли во времена помещика нержавейка?

— Да какую ж собаку на такой цепи держали? — пожимает плечами Михаил. — Цепь тяжёлая, а ошейник маловат. На Бобуся моего точно не налезет.

Бобусь — алабай. Милейшее создание. Ласковый, как котенок. Хотя первый раз, увидев его, мы с Никитой оробели.

— А может, это не на шею, — предполагаю я и осекаюсь. Или не на собаку. На человека такой ошейник вполне подойдет.

— Ладно, Анют, пойду. Вечером тачку пригоню, доски перевозить. Мне как раз стройматериал нужен. Хочу Бобусю конуру утеплить. Говорят, зима суровая будет.

Михаил идёт дальше по улице. Его обход традиционен. Хочу положить цепь на полку в сарае, но замечаю на ошейнике надпись. Солнце отражается в металлической поверхности, слепит глаза. Ладно, мы пойдём другим путем. Я делаю несколько снимков. Вешаю цепь на крюк в стене, где раньше висела ножовка. Ножовку пристраиваю на полку. Пора идти домой, сварить ещё кофе, накормить, наконец, Никиту.

3

Вчерашнее происшествие немного забылось. Если честно, с лосем тогда было намного хуже. Мы кувыркнулись в кювет и чудом остались живы. А тут всего лишь бешеная собака. Кстати, надо предупредить Михаила. Он очень вовремя идёт обратно после обхода, рядом трусит Бобусь: он обычно бегаёт сам по себе.

— Мы вчера наткнулись на бешеную собаку, — говорю я и кладу руку на лобастую голову. Бобусь нюхает мою ладонь, фыркает, отскакивает. Я вижу оскаленную пасть. Бобусь издает низкое рычание.

— Фу! — командует Михаил и хватает пса за ошейник. — Собаку? — переспрашивает он.

— Ну, не знаю. Что-то попало нам под колёса и потом гналось за машиной, — нервно хихикаю. Кошусь на Бобуся. Тот всё ещё глухо ворчит. На меня. После того, как позволял трепать себя за уши и таскать за хвост? Может, он тоже бешеный? Я слышала, что бешенство, как эпидемия, сезонное явление. Его обычно переносят лисы. Надо спросить, не кусала ли Бобуся лиса. Но не спрашиваю.

— Под колёса... — задумчиво повторяет Михаил и уходит, даже не прощаясь, тянет за собой пса. Тот упирается, не хочет идти. Возможно, он хочет порвать меня на куски. Во всяком случае, вид его красноречиво говорит об этом.

Провожая их глазами, смотрю на руку, на которой ещё остались следы от мокрого носа пса и ржавые разводы от цепи. Нюхаю. Пахнет железом, землёй и слегка псиной. Машинально вытираю ладонь о джинсы. Спиной чувствую взгляд: Никита вышел на крыльцо. Потягивается, выгибает спину, делает несколько махов ногами.

— А не испить ли нам кофию? — кричит он.

Быстро подхожу. Улыбаюсь. Видно, плохая из меня актриса. Никита сразу замечает, что я расстроена. Рассказываю о царапинах. Никита подходит, рассматривает багажник, вздыхает.

— Где это я так? Вчера утром не было ничего.

— Вечером, — напоминаю я, — та... то существо бросилось на багажник.

— Не, не могла собака так краску поцарапать. Это я где-то сам не уследил.

— Это не собака! — кричу я. — Не собака!

Никита разворачивается и идет в дом. Смотрю ему вслед. Что это? Почему он отрицает очевидное? Он же сам вчера видел эту тварь? Видел, как она мчалась вровень с

машиной. Потом вспоминаю его слова, что всему сверхъестественному находится рациональное объяснение. Хорошо быть материалистом. А мне-то что делать? Тоже придумать что-нибудь правдоподобное? Но я не могу. Хожу по саду, разговариваю сама с собой, пытаюсь вспомнить, как выглядело существо. Не помню. Помню лишь тень, которая неслась рядом с машиной. И глаза. Красные. Или нет? Но это ведь обычное дело. У котов и собак глаза светятся в темноте. И чего я так перепугалась? Выдыхаю. Надо же как быстро мне удалось успокоить саму себя. Вспоминаю, что хотела сварить кофе для Никиты.

В доме что-то гремит. На кухне Никита вытаскивает из холодильника продукты. Стол завален пакетами, коробками и банками.

— Чем-то тухлым пахнет, — объясняет Никита, — не могу найти чем.

Принюхиваюсь. Не замечаю никакого запаха. Помогаю Никите перебрать продукты. Все нормально, ничего испорченного. Но муж всё не может успокоиться, все принюхивается своим греческим носом, трёт кончик, резные ноздри уже покраснели от его усилий.

— Может, у тебя аллергия?

Достаю аптечку, ищу антигистаминное. Ничего подходящего нет. До ближайшей аптеки десять километров.

— Кит, тебе не кажется, что мы поторопились с покупкой?

По неровному движению головы, вижу, что Никита недоволен вопросом. Ну да, решение принимали вместе. Теперь поздно что-то менять. Квартиру Никиты мы сдаём. Эти деньги как раз идут на ипотеку. Представляю, что придется жить здесь всю осень и зиму. В одиночестве. Почти все, с кем успели сдружиться, испугались зимы и свалили. Я тоже боюсь зимы. Мне, вообще, ситуация, когда за любой мелочью нужно ехать три дня на оленях, кажется ненормальной. Конечно, надо было покупать дом в уже обжитом поселке, но там и цены на порядок выше. А мы всё же не олигархи.

В окно виден соседний участок. Миша и Люба уехали еще в августе: у них дети, школа и прочее. Дом у них больше нашего, на два этажа, с полукруглой башенкой, и открытой верандой. У нас поскромнее. Три комнаты на первом этаже и мансарда с круглым окном. Мансарду я люблю, там у меня место для работы. Позвонить в издательство, пусть хоть какую работу дадут? Пусть даже не художку. Мне надо чем-то занять ум, иначе я с него сойду.

Телячьи медальоны и бутылка красного вина на ужин скрашивают унылость дня. Никита заметно веселеет, хоть и принюхивается поначалу, то к мясу, то к вину. Видя, как нервно ходят его ноздри, я чувствую раздражение. Что за странная брезгливость? Буквально в июне мы с ним бродили по Крымским скалам и чего только не ели грязными руками! Напоминаю Никите об этой поездке. Тот улыбается, мечтательно закатывает глаза. Понимаю, о чём он вспоминает. Невольно смущаюсь. Да, что мы творили с ним по ночам в крохотном номере нашего отеля, и не только по ночам, и не только в номере!

— Хочу к морю, — шепчу я.

Встаю у него за спиной, глажу плечи, запускаю пальцы в густые волосы. Никита трётся затылком о мою грудь, выгибается, обхватывает меня и перекидывает к себе на колени. Долго целуемся, очень долго. Руки Никиты, такие требовательные, жадные, внезапно замедляются. Он отстраняется, вижу уже ставшее привычным движение носом.

— Что?

— Мне кажется, тебе надо почистить зубы, — говорит Никита и ссаживает меня с колен.

Даже не сразу понимаю, о чем он. Потом вспыхиваю, подношу ладонь ко рту. Дышу. Нюхаю. У меня нет кариеса. К зубному я хожу чаще, чем к косметологу.

Смотрю требовательно, с вызовом. Вообще не понимаю, что происходит. Но Никита уже собирает грязную посуду со стола, ставит в посудомойку. Его спина напряжена. Начинаю ему помогать. Может, я чего-то не знаю? Может, у него неприятности на работе. Иногда Никита делается таким нервным, когда что-то не идёт, не ладится в его программах и кодах.

4

Ночью долго не могу уснуть. Слушаю ровное дыхание Никиты. Тот спит всегда, как младенец, даже не сопит. С ужасом слушаю жалобы подруг на храпящих мужей. Мой просто ангел. Поворачиваюсь на бок, подпираю голову руками. Никита тоже лежит на боку, спиной ко мне. В темноте угадывается контур голого плеча. Вожу пальцем по теплой коже. Вспоминаю поцелуй. Жаль, что он ничем так и не закончился. Вздыхаю. Как-то чересчур громко. И только потом понимаю, что вздохнула не я. Нет, я тоже, но на мой вздох наложился чей-то еще. И это не Никита. Медленно поворачиваю голову. В спальне пусто. Но кто-то ведь вздохнул? Хочется закрыться с головой одеялом и крепко зажмуриться. Но пока я этого не сделала, я вижу, как по шторам скользит тень. Неясная, бесформенная, огромная. Визжу. Не могу сдержаться. Это что-то древнее, сидящее где-то на подкорке. Вижу, как подсакивает Никита, хватает меня, трясёт. Потом включает настольную лампу. Стучу зубами, рассказываю про тень и вздох. Никита обнимает меня, облегченно выдыхает.

— Просто приснилось, детка. Так бывает.

— Я не спала.

— Это называется фаза быстрого сна: ты уснула, но ещё не поняла этого.

Он гладит меня по спине, груди, целует шею, ключицы. Покрываюсь мурашками, отвечаю на ласки, тяну на себя. Сейчас мне хочется почувствовать тяжесть мужского тела, защиту, надежность. Никита чуть медлит, а потом ловко переворачивает меня на живот, падает сверху, дышит в ухо, чуть кусает мочку. Поворачиваю голову, пытаюсь найти его губы, но он уже отодвинулся, рывком подтянул меня к себе, задрал ночнушку, чувствую горячую плоть, его руки на бедрах. Уходят мысли, ничего больше нет, меня кружит в центрифуге, перед глазами мелькают звезды, туманности, огненное солнце заполняет голову, и, наконец, взрывается мириадами звезд. Открываю глаза, переворачиваюсь на спину, шарю руками, успеваю лишь провести пальцем по гладкому, твёрдому бедру, прежде чем Никита исчезает. Разочаровано накрываюсь с головой. Хлопает дверь, шумит вода в ванной. Чуть не плачу. Два дня назад Никита тащил меня в душ, перекинув через плечо, и орал, как викинг на дракаре перед высадкой на Британские острова. Неужели наши отношения перешли в фазу привыкания? И теперь меня ждёт привычная семейная рутина? Уговариваю себя, что нет, это всё не про нас. Никита просто устал. Завтра я поговорю с ним. Попытаюсь.

Утром не нахожу в постели Никиту. Нет, это не он рано проснулся, это я никак не могла выдернуть себя из морока. Сон накинута на меня действительно уже под утро. Тяжелый, как та плита возле усадьбы на болоте. Плетусь на кухню, трогаю рукой ещё горячий чайник. Никита находится на ступенях крыльца с чашкой кофе в руках. Сидит,